

Саша Черный родился в доме у самого Александровского участка

Со стороны Пантелеймоновской улицы Ришельевскую замыкает здание бывшего Александровского полицейского участка, увенчанное давно "безработной" пожарной каланчой. А неподалеку испокон веку стоит принадлежавший когда-то Семашко, а потом Бронзу, числящийся ныне под номером 74 трехэтажный дом, во дворе которого укрылся допотопный особнячок и флигель о трех этажах, прорезанный арочным проемом, ведущим во второй, так называвшийся черный двор.

По фасаду дома одно из торговых помещений первого этажа занимал когда-то бакалейно-гастрономический магазин Д. Тополя, который по мере течения времени менял хозяев, но оставался таким же, как сотни других в Одессе. И, не занимаясь ни в каких гимназиях, там можно было легко и приятно изучать географию Российской империи, равно как ближнего и дальнего зарубежья: брынза бессарабская, колбаса польская, маслины греческие, масло прованское, огурчики нежинские, окорок жиитомирский, сардины португальские, сельдь керченская, сыр швейцарский, шпик венгерский и знаменитые одесские "Бычки в томате" черноморско-азовской фабрики консервов С.В. Фальц-Фейна на Балковской улице...

Более узким и специфичным был ассортимент товаров помещавшейся в этом же доме агентурно-комиссионной конторы "М. Бродский и Я. Бродецкий" — машины и механизмы немецкой компании "Тайденрайх и Гарбек" да кафель от фирмы "Гугель", которым облицовывали высокие, увенчанные фигурными карнизами печи, больнично-белые, казенно-коричневые или уютно-зеленые. Последние, кстати, отлично сочетались с такого же цвета абажурами настольных ламп, сукном письменных столов, обивкой мягкой мебели и плюшевыми порттьерами. Такие украшенные помпончиками порттьеры тогда являли собой непременною деталь интерьера и могли висеть где угодно — в гостиной respectableного негоцианта, спальне мелкого чиновника, кабинете почтенного профессора, борделе на Запорожской, приемной модного врача и меблированных комнатах с неожиданным названием "Австралия" на Ришельевской, 74.

Для такого заведения это место удачным было: заявлялся ли провин-

циал, только что сошедший с поезда и даже не помышлявший о "Лондонской" гостинице, или девица без комплексов, но с очередным кавалером, только что полюбившим ее под трактором "Лондончик" на Ришельевской угол Малой Арнаутской, в любом случае

"меблирашки" не пустовали. И хозяин мог даже раскошелиться на телефон, а его супруга, наверное, не стояла возле вокзала с плакатиком "Комната у самого Александровского полицейского участка".

Касаемо же телефона и перефразируя Остапа Бендера, можно сказать, что тогда это была еще скорее роскошь, нежели средство общения, без которой вполне обходилась, к примеру, находившаяся во дворе дома прачечная З. Руинского, где до немыслимой белизны стирали белье для гостиниц, кофеен, ресторанов и хозяек, предпочитавших не затевать это дело дома. И впрямь, теперь трудно представить, но о горячем водоснабжении в то время понятия не имели, электрические и газовые водонагреватели в глаза не видели, о чудодейственных домашних стиральных машинах слухом не слыхали и в качестве моющих средств использовали разве что известь да щелок. А ведь белье нужно было не только выстирать, накрахмалить, подсинить, выкрутить и, как говорили в Одессе, сохнуть где-нибудь во дворе или на чердаке. После всего этого его требовалось выгладить тяжеленным разогретым древесными угольями утюгом, обливаясь потом и задыхаясь от влажного пара. Словом, это был каторжный труд, после которого даже такой здоровый парень, как Мартин Иден, герой одноименного романа Джека Лондона, отработав неделю в китайской прачечной, в выходной день гоним был лишь на то, чтобы добраться и отвести душу в ближайшем кабаке.

А его собратьям из одесской прачечной на Ришельевской улице, пожелай они отдохнуть таким изысканным образом, достаточно было просто выйти со двора и, пересчитав наличность, тут же нырнуть в "Вино-

торговлю Бронза", на пороге которой оставались всегдашние заботы, сиюминутные тревожения, накопившаяся усталость, и... возвращались только через несколько часов или даже к утру следующего дня — в зависимости от интенсивности возлияния. Правда, закон предусматривал "недопущение покупателям напиваться до беспмятства", но гуманно оговаривал, что "если бы сие случилось, то такое лицо не может быть оставлено без присмотра и помощи до полного вытрезвления, каковые лежат на обязанности виноторговца". Помимо этого ему запрещалось отпускать

спиртное в долг уже пребывавшим подшофе или малолетним, принимать в качестве платы или залога краденые вещи и "допускать в заведение распутных женщин". Разумеется, не всегда, не везде и не всеми сие было выполняемо, проверяемо и в случае чего наказуемо, поскольку чиновный люд никогда не состоял из одних бесребренников. Но что неуклонно соблюдалось, так это запрет "раздробительной", то есть распивочной продажи даже самых благородных напитков горячительного свойства ближе, чем в сорока саженьях от казарм, кладбищ, тюрем, учебных заведений, молитвенных домов и храмов. По этой причине, когда за углом от дома Бронза, на Пантелеймоновской улице, появилось величественное здание Афонского подворья, оно не только умиротворило души верующих, облагородило силуэт города и огласило округу праздничным колокольным звоном, но ударило по карману владельцев соседних питейных заведений, подлежавших безусловному закрытию. Но то, что худо для одних, бывает во благо других, и их коллега Бронз, чье заведение оказалось близ новоявленной "безалкогольной зоны", поимел еще больший доход за счет миграции оттуда выпивающих. Но на Ришельевской, 74, естественно, не только поклонялись Бахусу...

Одно время во дворе этого дома размещалась небольшая типогра-

фия, где можно было напечатать "летучки" с текстом и нотами популярной песенки, бланки товарных накладных, пригласительные билеты типа "имярек имеет честь...", белоснежные визитные карточки или фирменные, на цветной бумаге, сигнатурки, другими словами, ярлычки для склянок с микстурой или пакетиков с порошками, украшенные гравированным изображением аптеки, где эти снадобья приготовили. Множество лекарств еще готовили сами провизоры: манипулировали фарфоровыми ступками, костяными лопаточками, весами с крохотными чашечками, "колдовали" над спиртовками, пробирками, баночками и колбочками, что-то отвешивали, отмеривали, растирали, растворяли, смешивали, выпаривали и настаивали.

Один из этого многочисленного и уважаемого сословия, коммерческий агент Акционерного общества "Санкт-Петербургская химическая лаборатория" М. Гликберг в середине 1880-х годов вознамерился было открыть собственное дело, о чем подал положенное в таком случае "прошение господину одесскому градоначальнику" да что-то не сложилось. Но чиновники добросовестно подшили собственноручно исполненное им прошение к текущим бумагам, и через сто с лишним лет случилась от него неожиданная польза. Как оказалось, проситель проживал тогда в квартире № 18 дома Семашко на Ришельевской улице, каковой адрес десятилетиями оставался потаенным для всех, кто интересовался семейством одесского провизора. У него было пятеро детей — две дочери и три сына, старшего из коих звали Александром, в молодые годы просто Сашей. А когда появился на свет его двоюродный брат-тезка, в отличие от него, блондин, то для удобства семейных разговоров новорожденного стали называть Сашей белым, а его старшего братишку соответственно Сашей черным. Спустя годы семейное прозвище обернулось литературным псевдонимом Саша Черный, известным всей читающей России, а потом истосковавшейся по ней эмиграции.

Уже там, в 1923 году, он написал стихотворение "В Одессе" — поэтические мемуары о родном городе, которое стоит, пожалуй, привести здесь полностью. А через десять лет Саша Черный напечатал для русских ребят рассказ "Голубиные башмаки", в котором воспоминаниями о далеком детстве остались могучие биндюжники, портовые люмпены, Греческая улица, незабываемого вкуса вареники с вишнями и одесское словечко "шмаровоз", по которому безошибочно можно узнать нашего земляка, где бы он ни жил и во что бы ни рядился, — в кимоно ли, пончо или юбочку из пальмовых листьев...

В Одессе

Вдоль деревянной длинной дамбы
Хвосты товарных поездов.
Туки в брезенте, словно ямбы,
Пленяют четкостью рядов.
Дымят гиганты-пароходы,
Снуют матросы и купцы.
Арбузной коркой пахнут воды —
И зыбь и блеск во все концы.
На волнорезе так пустынно...
Чудак в крылатке парусинной
Снимает медленно с крючка
Вертлявоскользкого бычка.
Всю гавань тихо и лениво
Под солнцем добрым обойдешь...
Воркуют голуби учтиво,
Босяк храпит в тени рогож.
Кадит корицей воздух летний...
Глазеешь на лихой народ
И выбираешь, как трехлетний,
Себе по вкусу пароход.
Вперед по лестнице гигантской!
Жара бросает в пот цыганский,
Акаций пыльные ряды
С боков свергаются в сады.
Дополз до памятника "Дюку" ...
День добрый, герцог Ришелье!
Щитком к глазам подносишь руку:
Спит море — синее колье...
В ребре средь памятника — бомба,
Жужжит кольцом цветник детей,
И грек, исполненный апломба,
Раскрыл, пыхтя, лоток сластей.
Сажусь у лестницы на кладку, —
Мороженщик снял с круга кадку.

Сквозь Николаевский бульвар
Плывет змея беспечных пар.
Голландский шкипер белоснежный
Склонил к Кармен одесской лоб.
Взлетает смех, как жемчуг нежный,
Играет палкой местный сноб,
Горит над жирным турком феска,
Студент гарцует среди девиц...
Внизу среди морского блеска
Чернь пароходных верениц...
Кзаки, статные, как кони,
Кружком расселись в павильоне...
Урядник грузен, как бугай.
Запели... Эх, не вспоминай!

